

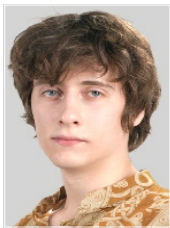
Полемика Томаса и Генриха Маннов как отражение германского общественного дискурса Первой мировой войны

Константин Станиславович Антоневиц

МГИМО МИД России, Москва, Россия

antonevich.k.s@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0009-0005-9207-1504>

Аннотация. На фоне роста кризисных процессов взаимной стигматизации и дистанцирования политических сил, культур и поколений дополнительную актуальность приобретает анализ их многослойной рефлексии в сочинениях деятелей культуры. Цель данного исследования — установить специфику ключевых аспектов спора братьев Томаса и Генриха Маннов в годы Первой мировой войны с учётом историко-культурного контекста и семейной истории. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: (1) выявить преемственность идейного базиса полемики по отношению к более ранним вариантам литературно-философских концепций поляризации европейских культур и особой роли Германии; (2) уточнить терминологию и композиционные принципы их полемики, выявить сходства и различия в интерпретации Маннами стигм языка вражды; (3) определить место полемики братьев в общеевропейском общественном дискурсе на примере международной публицистической реакции на осаду бельгийского города Лёвена. Материалами исследования послужили тексты Томаса и Генриха Маннов, письма и публицистические источники. С методологической точки зрения работа опиралась на имагологический подход, позволивший выявить образы «своего» и «чужого» в столкновениях культурных общностей. В качестве основных приёмов использовались структурный, интертекстуальный и тезаурусный анализ. В результате установлено, что идеологическое столкновение Томаса и Генриха Маннов, осуществлённое на стыке личного и публичного, оказалось репрезентативной миниатюрой европейского общественного дискурса, наполненной образами и концептами, объединяющими публицистику толстых журналов и агитационные плакаты. Основные выводы: (1) Идейный базис полемики составила политическая теория Ф. М. Достоевского, переработанная Томасом Манном, — скрупулёзно, но избирательно и провокативно. (2) Верификация изменений рассмотренных концептов показала, что они встроились в «язык вражды» 1914–1918 гг. Композиционные принципы «публично-личного» спора Томаса и Генриха Маннов построены на взаимной рефлексии и оборачивании составляющих его тезисов и отдельных концептов с учётом целеполагания, т.е. работают по принципу идеологизированного «доказательства». (3) Вместе с тем, примеры их публицистической реакции на осаду Лёвена показал высокую степень сходства текстов на уровне образов, стигм и их комбинаций.

Это позволяет говорить об обнаружении общих паттернов поэтики «западника» Генриха и «аполитичного» Томаса Маннов, пацифиста Роллана и милитариста Гауптмана. Определение границ и системных сбоев этой ценностной парадигмы, динамика изменений и возможные инварианты — область дальнейших поисков.

Ключевые слова: политическая мифология, цивилизационный подход, стигматизация, концепт свой/чужой, имагологический анализ, достоевичка

Для цитирования: Антоневиц К. С. Полемика Томаса и Генриха Маннов как отражение германского общественного дискурса Первой мировой войны // Концепт: философия, религия, культура. — 2026. — Т. 10, № 2. — С. 93–115. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-2-38-93-115>

Research article

The Polemics between Thomas and Heinrich Mann as a Reflection of German Public Discourse during World War I

Konstantin S. Antonevich

MGIMO University, Moscow, Russia
antonevich.k.s@my.mgimo.ru

<https://orcid.org/0009-0005-9207-1504>

Abstract. Against the backdrop of increasing crises of mutual stigmatization and distancing of political forces, cultures, and generations, the analysis of their multi-layered reflection in the writings of cultural figures acquires additional relevance. This study aims to analyze the specificities of key controversies in the dispute between Thomas and Heinrich Mann during World War I, considering the historical and cultural context as well as their family history. To achieve this goal, the following objectives were set: 1) to identify the continuity of the ideological basis of the dispute in relation to earlier versions of literary and philosophical concepts concerning the polarization of European cultures and the special role of Germany; 2) to clarify the terminology and compositional principles of their dispute, to identify similarities and differences in the Manns' interpretation of the stigmas of hate speech; 3) to determine the place of the brothers' polemic within both German and the wider European public discourse using the example of the international journalistic reaction to the siege of the Belgian city of Leuven. The research materials include articles by Thomas and Heinrich Mann, letters, and journalistic sources. The methodology of the research is based on the imagological approach, which allows for the identification of the images of *Self* and *Other* in the clash of different cultures. The key methods employed are structural analysis, intertextual analysis and thesaurus analysis. As a result, it has been established that the ideological confrontation of the brothers, which occurred at the intersection of the personal and the public, represents a miniature of European public discourse filled with images and concepts common both to major literary journals and to propaganda posters. Conclusions: 1) The polemic was based on Dostoevsky's political theory, adapted by Thomas Mann thoroughly, yet partially and in a provocative manner. 2) The verification of transformations in the studied concepts showed their integration into the hate speech of 1914–1918. The structure of the Mann brothers' public-private polemic is built on mutual reflexive argumentation, where theses and concepts are systematically inverted and reconfigured to serve ideological justification. 3) The brothers' reactions to the siege of Leuven showed significant similarities in the choice and combination of images and stigmas. This allows us to identify

common patterns in the poetics of Heinrich Mann, the “German Westerner,” and Thomas Mann, the “apolitical” writer, as well as the pacifist Rolland and the militarist Hauptmann. Defining its boundaries and systemic failures, as well as tracing its dynamics and constants, remains a task for further research.

Keywords: political mythology, civilizational approach, stigmatization, Self and Other, imagological analysis, Dostoyevsky studies

For citation: Antonevich, K. S. (2026) ‘Controversy between Thomas and Heinrich Mann as a Reflection of German Public Discourse during World War I’, *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 10(2), pp. 93–115. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-2-38-93-115>

Введение

Эпистолярный и публицистика Томаса и Генриха Маннов, ограниченный и разнородный перечень их писем, статей и интервью, написанных с 1914 по 1918 гг., — на первый взгляд, подобный материал для анализа не может претендовать на исчерпывающую репрезентативность, отражать все аспекты провоенной и пацифистской, панъевропейской и националистической риторики немецких публицистов. Однако цепочка интертекстуальных связей в личной переписке и публичной полемике, которая была обнаружена и исследована автором в рамках данной статьи, позволяет полноправно говорить о некоторых общих тенденциях, ходовых концептах и мультижанровой, гибридной природе публицистического политико-философского высказывания тех лет как такового.

Предыдущая статья на смежную тему [Антоневич, 2024] охватывала более обширный период, однако оставалась в узких рамках работы с одним образным рядом (варвары и цивилизация). Данная работа продолжает исследование публицистики и политической философии кайзеровской Германии. На этот раз естественным ограничителем объекта исследования послужила не только узкая тема, но и ещё более узкий круг лиц: анализу был подвергнут ряд взаимосвязанных текстов за авторством Томаса и Генриха Маннов (в дальнейшем Т. и Г. соответственно), а также, в рамках поиска историко-культурного контекста и в качестве побочного иллюстративного

материала — статьи и письма их немецких, французских и русских современников. Единственный «анахронизм» в перечне — статьи Ф. М. Достоевского на тему немецкого национального духа и «протестантской идеи», принципиально важные для понимания риторики Т.

Предметом исследования стала дискуссия о прусском милитаризме вообще и событиях Первой мировой войны в частности в вышеупомянутых письмах и статьях. В рамках имагологического подхода (и с помощью интертекстуального анализа) появилась возможность медленно прочитать разрозненные, разделённые годами и форматами тексты братьев как монолитный текст, обладающий внутренней динамикой, сопоставить подходы Т. и Г. к вопросам *Volksgestirnis* (национальный дух), *Sonderweg* (особый путь Германии), демократических институтов, власти кайзера и войны, а также их риторические приёмы, поэтику вражды, чтобы на фоне современной им публицистики и пропаганды выявить отличительные черты и некоторые общие закономерности, присущие как творчеству Маннов, так и другим артефактам эпохи.

Напомним: имагологический метод подразумевает не исследование культурных артефактов как таковых, а анализ конфликтующих оптик, преломление «чужого» в призме «своего», и как результат — деконструкцию этой бинарной оппозиции. Он позволяет деавтоматизировать образ, разграничить субъект и привычное представление о субъекте: будь то ориентальная [Wagner, 2022] или европейская [Vlasta,

2022] экзотика в восприятии писателя-путешественника или пропаганда в детской литературе [O'Sullivan, 2011]. Специфика Первой мировой (интенсивный диалог культур, рефлексия различий, агрессивная стигматизация инородного) располагает исследователей к применению имагологического подхода [Marti Monterde, 2016; Галкина, 2019]. По этой причине он был выбран для анализа и систематизации общественного дискурса времён Великой войны с фокусом на полярно противоположных позициях братьев Маннов: рецепция и переосмысление французской и русской литературы в рамках битвы национальных идей, детерминированная вильгельминистским нарративом, остракизм «немецкого западника» в собственной семье, деконцептуализация понятий, связанных с гуманизмом и гражданскими правами, многослойность международного обсуждения разрушения Лёвена — требует культурологической компаративистики на стыке художественной, агитационной и философской литературы. Это же жанровое, языковое, идеологическое разнообразие вкпе с межтекстовыми связями (общие инфоповоды, образы, концепты: Генрих Манн иронически ссылается на недавнюю статью брата и включается в цепочку дискуссии pro и contra немецкого милитаризма и истории немецкой исключительности, параллельно споря о том же с матерью, а работы Томаса Манна, Марселя Пруста и Александра Блока оказываются объединены специфическим семантическим пучком бинарных оппозиций, таких как музыка и литература, культура и цивилизация, рефлексия и протест), в свою очередь, говорит о перспективе применения интертекстуального анализа.

Идеологически-творческому конфликту Томаса и Генриха Маннов, их довоенным отношениям, прервавшейся переписке и заочной журнальной полемике,

посвящены как главы их биографий [Flügge, 2006: 104–120], [Наyman, 1995: 110–133], в том числе — сдвоенных биографий [Коорmann, 2005: 67–155], так и специализированные исследования: идеологической радикальности юных лет [Беркович, 2018], сравнение поэтик [Balta, 2025] и т. д. 19 декабря 2025 г. в ВШЭ прошла тематическая конференция «Великие романы Томаса Манна: между гуманизмом и антифашизмом», где, в частности, с докладом «Об антифашизме Томаса Манна» выступил Е. В. Казарцев¹.

Отметим также, что о связях Томаса Манна и русской литературы, (в том числе, о восприятии политической философии Достоевского) написано множество монографий и статей филологического², политологического³, культурологического [Леман, 2018: 81–85, 140–150] характера. Такая разработанность темы позволяет выйти на более глобальный уровень: заняться исследованием и верификацией закономерностей устройства политико-литературного жзнетворчества писателей-публицистов в годы Первой мировой войны.

«Дневник писателя» как базис дискуссии Маннов

Ф. М. Достоевский в статье «Германский мировой вопрос. Германия — страна протестующая» из «Дневника писателя» писал: «...существеннейшая черта этого великого, гордого и особого народа, с самой первой минуты его появления в историческом мире, состояла в том, что он никогда не хотел соединиться, в признании своём и в началах своих, с *крайнезападным европейским миром* [здесь и далее курсив в цитатах мой — К. С.], то есть со всеми *преемниками древнеримского* призвания... Он бился с римским миром ещё во времена Арминия, затем во времена римского

¹ Научная конференция «Великие романы Томаса Манна: между гуманизмом и антифашизмом» // НИУ ВШЭ. 2025. URL: <https://reid.hse.ru/announcements/1090945693.html>

² Новое в жизни, науке, технике. Подписная научно-популярная серия "Литература": Томас Манн и русская литература : 1975, № 1: (к 100-летию со дня рождения) / Т. Л. Мотылева. Москва: Знание, 1975. 64 с.

³ Лаптева М. П. Томас Манн и политическая культура Германии // Опыт двух демократий и современная Россия. Москва, 1998. С. 135-139.

христианства... Наконец... он провозгласил свободу исследования и воздвиг знамя Лютера. Разрыв был страшный и мировой, *формула протеста* нашлась и восполнилась, — хотя всё ещё *отрицательная*, хотя всё ещё новое и положительное слово сказано еще не было...»⁴. Связь «Рассуждений аполитичного» и публицистики Достоевского многогранна и разноуровневна: Томас Манн называет Достоевского «первым психологом мировой литературы»⁵ (не за психологизм прозы, а именно за «диагноз», поставленный Германии и Франции); многократно цитирует главы из «Дневника писателя» за 1877 г.: «Три идеи», «Германский мировой вопрос. Германия — страна протестующая», «Один гениально-мнительный человек»; использует кальку с русского, «*der deutsche Sapadnik*» (немецкий западник) для стигматизации брата Генриха.

Для него Первая мировая стала очередным воплощением битвы двух «идей» Достоевского: институционализирующей, рациональной, «католической» (демократическое, вербальное начало, «крайнезападный» политический полюс в рассуждениях Т.) против ищущей альтернативу, иррациональной «протестантской» (бунтующее невербальное начало, «западный» политический полюс в рассуждениях Т.) — очередным бунтом духа против буквы. Очередным, потому что история Германии представляется Т. сплошным пульсирующим бунтом: Арминия против Квинтилия Вара, Лютера против папы Льва X, Бисмарка против Наполеона III. Для него Битва в Тевтобургском Лесу, сожжение папской буллы, осада Парижа и Верденская мясорубка — явления одного порядка и одной природы.

Подобный взгляд на европейскую конфронтацию нельзя назвать универсальным или приписать исключительно

цивилизационному подходу. Противопоставленные в монографии Т. начала — не просто «культурно-исторические типы» Данилевского (стоит напомнить, что Данилевский вообще не делил «романо-германский тип» на антитетичную пару, тем более — не рассматривал «римский тип» как предшествующую парадигму «романского»⁶), это надчеловеческие потоки, божества-идеи прямоком из «Дневника писателя». Неудивительна концептуальная близость рассуждений Т. о бескомпромиссности их борьбы рассуждениям Шатова из «Бесов» богах — синтетических личностях народов: «Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особенно бог»⁷.

Говоря как раз о личности «бога» германского, о немецком этосе, Манн напоминает о его немоте, изящно превращая её в иконизацию: «*Es ist nicht wohlumzirkelt, es hat so «schlechte Grenzen» wie Deutschland selbst*» («Он плохо очерчен; у него столь же *«плохие границы» как и у самой Германии*»)⁸. Так он ужал в одну строку пассаж Достоевского о бессловесности протестантской идеи (пассаж, который Т. счёл должным буквально процитировать, в сокращении в эпиграфе к главе), софистически соединив его с агитационной концепцией кайзеровской Германии — так называемым поиском жизненного пространства (*Lebensraum*). Расплывчатость формулировок, законов, политических институтов становится контекстуальным синонимом к расплывчатости контуров на карте, принципиальная апофатичность самоопределения (мы — это не латинский мир, а как-то иначе) — апофатичностью национальных интересов (наши территории — это не как сейчас).

⁴ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. Санкт-Петербург: Наука, 1995. С. 179.

⁵ Здесь и далее «Рассуждения аполитичного» цитируются по версии Mann T. *Betrachtungen eines Unpolitischen*. Berlin: S. Fischer Verlag, 1920. Цитаты на русском, если не указано обратное, даны с сохранением нумерации оригинала в переводе Н. Л. Елисеева, опубликованном в № 24 журнала «Вестник Европы» за 2008 г. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2008/24/rassuzhdeniya-apolitichnogo.html>

⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. 6-е изд. Санкт-Петербург: СПбГУ; Глаголь, 1995. С. 77, 404.

⁷ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7. Ленинград: Наука, 1990. С. 239.

⁸ Mann T., 1920. S. XXXXI.

«Аполитичный» нарратор Т. выбрал нетривиальную цель: преподнести авторитарность как более человечную и честную альтернативу демократии; «лицемерным гуманистическим» лозунгам противопоставить культ жестокости и дисциплины, доказать себе и «немецкому западнику», что это «великая, глубоко порядочная, даже торжественная народная война»⁹.

В этом отношении «Рассуждения» едва ли отличаются от более ранних публицистических работ Т., посвящённых Первой мировой войне («Мысли во время войны» 1914 г., «Фридрих и большая коалиция» и «Мысли о войне. Через год» 1915 г.). Принципиально по-новому Т. работает с культурологическим фундаментом, жонглируя многочисленными разнородными аллюзиями: находит обоснование «особого пути» немцев в трудах Достоевского, Ницше, Шопенгауэра, в собственных «Будденброках» и, что особенно важно при противопоставлении «литературного» Запада и «немой» Германии, — в операх Вагнера и Пффингера.

Если сопоставить представления о враждующих сторонах в «Рассуждениях аполитичного» с более ранними статьями Манна, окажется, что и без ссылки на Достоевского Т. подразумевает всё те же дихотомии, пусть в несколько иных формулировках: милитаризм против цивилизации, железную волю против «бессмертных принципов»¹⁰. Концепция Достоевского идеально легла на написанное в 1914–1915 гг., предоставила удобные готовые формулировки. Легко представить, что нижеследующие строки в статье «Мысли о войне» написал не Т., а безымянный радикальный персонаж, персонификация «протестантской идеи» из полифонии голосов Достоевского: «Воля старых империй, желающих соединёнными силами сдерживать и задушить самую современную, отмеченную историческим призванием державу

Европы, была исторической виной уже тогда, когда эта их воля была слепой и неразумной»¹¹.

Необходимо отметить, что у «Размышлений» было одно более существенное отличие от предыдущих политико-филологических работ Т., связанное с актуальностью публикации: результат многолетнего размышления о сущности войны и исключительности кайзеровского милитаризма был завершён в феврале и напечатан в октябре 1918 г., буквально за месяц до ноябрьской революции¹². Отречение Вильгельма сделало социально-психологический портрет органично-народной Германской империи посмертной маской.

О причинах, побудивших его начать работу над «Рассуждениями аполитичного», Т. впоследствии напишет в автобиографическом очерке: «...Я был «призван» не государством и не военным командованием, а самим временем...»¹³. Вероятно, признание немецким правительством в начале октября «14 пунктов Вильсона» [История первой мировой..., 1975: 505] дало Манну понять, что он нравственно «демооблизован». Этим, а также радикальным переосмыслением своей позиции после войны, объясняется два обстоятельства: «Рассуждения» ни разу не были переведены прижизненно, а в переизданиях после примирения с братом текст подвергался постепенной авторской редакции и сокращению [Weichmann, 2015: 242].

Говоря о материалах для культурологического фундамента, необходимо упомянуть, что не все они удобно резонируют с мировоззрением «аполитичного»: деромантизирующий рационализирующий взгляд, не упрощённый до соломенного чучела, регулярно напоминает о себе. И тогда Т. бравирует проигрышностью своей позиции. Как Лебедеву из «Идиота» (вдохновенно сочинявшему адвокатскую

⁹ Манн Г. Манн Т. Эпоха. Жизнь. Творчество. Переписка. Статьи. Москва: Прогресс, 1988. С. 158

¹⁰ Mann T. Gedanken zum Kriege // Große kommentierte Frankfurter Ausgabe. Frankfurt a. M.: Hg. von Heinrich Detering. 2002. S. 137. / Пер. с нем. яз. Г. Е. Потаповой.

¹¹ ИВІD.

¹² Новое в жизни, науке, технике. Подписная научно-популярная серия "Литература": Томас Манн и русская литература : 1975, № 1: (к 100-летию со дня рождения) / Т. Л. Мотылева. Москва: Знание, 1975. С. 21.

¹³ Манн. Т. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9, 1960. С. 125.

речь в защиту средневекового каннибала¹⁴), ему доставляет удовольствие категорическая неочевидность его постулатов, их несовпадение с «гуманным, цивилизационным» нарративом, в частности — со взглядами Генриха Манна и Романа Роллана. «Цепному» интертекстуальному характеру полемики будет отведено своё место в следующих главах, пока же ограничимся одним примером.

«Ромен Роллан в своей военной книге пишет о моей статье... де, я напоминаю бешеного быка, со склонённой башкой мчащегося на шпагу матадора; ибо все обвинения по адресу Германии я воспринимаю как германские титулы славы, чем предоставляю нашим врагам идейное оружие, — попросту говоря, совершенно неожиданно соглашаюсь с ними...»¹⁵. Так, в духе «подпольного человека» Т. отвечает на то недоумение, которое Роллан в статье «Pro aris»¹⁶ выражает по отношению к его позиции и аргументации.

Роллана в «чудовищной статье Томаса Манна» в равной степени поражают и сама концепция: дихотомия немецкой культуры и остальной цивилизации, милитаризм как неотъемлемая часть культурного кода немца — и демонстративное превращение обвинений в титулы, и апелляция к стихам, которые Т. «берёт вместо знамени». Стихи эти — отрывок из трагедии Шиллера «Мессинская невеста, или Братья-враги», половина реплики Манфреда, персонажа из хора, но в качестве отрывка, обретшего новую жизнь в новом контексте, где отрывок действительно звучит как ритмизированный и зарифмованный монолог «Парадоксалиста» Достоевского: ср. «Но лишь в войне проявляется сила / Всё вышает она сверх мерила...»¹⁷ и «Война освежает людей. Человеколюбие всего более развивается лишь на поле битвы...»¹⁸.

Т. последовательно создаёт лоскутное одеяло из аллюзий, Достоевским и Шиллером всё не ограничится.

Удивительная, этически недопустимая для Роллана, апология жестокости, демонстративная антигуманность для Манна естественна, опричинена временем и Volksgeist'ом. Более того, само удивление Роллана становится в этой перспективе симптоматичным, типично «латинским». Так в оптике «аполитичного» и проявляется двойственность «крайнезападного» отношения к войне: «Реальность этой войны и есть сама война, а именно безымянная беда, и было бы наглým кошунством лгать об этой мерзкой действительности, приукрашивать её, внося в беду и бойню всемирно-исторический смысл»¹⁹.

Логика здесь та же, что и в отношении демократических институтов: героизировать войну как осмысленное и полезное явление кажется Т. более лицемерно и менее достоверно, чем назвать её прямо «европейкой братской войной» и воспевать жестокость без прикрас. Правда, самому Манну это не мешает героизировать войну, внося в её оправдание не «всемирно-», а, в терминах Манна, локально-исторический смысл и противопоставляя гуманистическому пафосу чистосердечность. Получается двухслойное умозрительное построение, замкнутое и внутренне противоречивое, однако допускающее бесконечную рекурсию: Франция в нём хочет вести «лицемерную» войну за жизнь, рассчитывает сохранить перчаточную белизну своих девизов-шаблонов, немцы, в свою очередь, «честно» воюют за смерть и за нацию, а не за интересы мира.

На фоне многочисленных сходств «Трёх идей» и «Рассуждений аполитичного» примечательны и различия в концепциях, ведь Томас Манн, восхищаясь Достоевским,

¹⁴ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 6. Ленинград: Наука, 1989. С. 377-379.

¹⁵ Mann, 1920. S. 7.

¹⁶ Роллан Р. Собрание сочинений, т. XVIII, / Пер. с франц. Е. П. Казанович. Ленинград: ГИХЛ, 1935. URL: http://az.lib.ru/r/rollan_r/text_0060.shtml

¹⁷ Перевод К. Р. Цит. по: Собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей. Т. III. / Под ред. С. А. Венгерова. Санкт-Петербург, 1901. С. 29.

¹⁸ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 13. Санкт-Петербург: Наука, 1994. С. 145.

¹⁹ Mann T., 1920. S. 5.

не забывает уточнить, что их разделяют тысячи миль и десятки лет. В главе «Протест» он уточняет, что выводы Достоевского о роли Германии «не столько верны, сколько остроумны» («nicht weniger wahr, weil sie geistreich ist») ²⁰, если распространять их на реалии 1910-х гг. Как на исторически недооцененные, проигнорированные Достоевским Т. указывает на два аспекта «истории немецкого духа»: итальянское путешествие Гёте (как кратковременный синтез двух непримиримых идей в одном носителе) и роль христианства в Великой Французской революции, «что спутала и сама революция». По Манну, революция была естественным следствием христианства как такового, надконфессионального, и никакого отношения к духу «католическому» не имела. Правда, из-за этой оговорки Манн как будто забывает собственные выводы о Руссо (ср. «Уже больше чем столетие всё то, что можно понимать под словом политика в духовном смысле, возвращается к Жан-Жаку Руссо» ²¹ и «...в основе революции, настолько насколько она несёт на себе отпечаток духа Руссо, лежит лучшая часть христианства» ²²) и заведомой «германофобии» любой республиканской, «демократизирующей» перемены.

Из очевидных расхождений в концепциях самая важная — роль России и «третьей идеи»: о ней Т. не пишет вовсе. Тому, что у Достоевского предвосхищается как альтернатива альтернативам, самобытный синтез лучшего из «идей»-соседа и гипотетической чаемой народной правды, в бинарной системе «аполитичного» потомка из Германии не находится места. Россия либо вливается в латинский мир, либо примыкает к бунтующему ядру.

Первое Т. вынужден констатировать во внешней политике Николая II, второе считает органичным, свойственным русской культуре, но ещё не реализовавшимся. В главе «Протест» «аполитичный» сетует, что Россия вступила в Антанту и безнадежно вестернизируется, в контексте

«Трёх идей» — отдаёт свою, потенциальную, независимую идею в угоду признания столь презираемой, буржуазно-пустой идеей «католической». Иронично, что в тенденциозной формулировке Достоевского, приложенной к оптике Т., можно было бы сказать, что сама Россия заразилась «до потери личности своей европейскими формами» ²³: под категорию европейских форм попадают и Антанта, и Дума, и Учредительное Собрание. Манн использует почти идентичную формулировку: «...сегодня, к сожалению, следует принимать во внимание, насколько она (Россия) либерализуется на западный лад, — как раз таки в качестве члена Антанты, в которую она вступила не столько в политическом, сколько в духовном смысле...» ²⁴.

Главу «Ирония и радикализм» Т. завершает в радостном настроении: до него доходят слухи о начале мирных переговоров с Россией. Как этот (Брестский) мир будет подписан, на каких условиях и с какими последствиями для претерпевающей радикальные изменения России, он на момент написания главы не знает: «...Сбылось долгое, лелеемое ещё с начала войны желание моего сердца: мир с Россией! Мир прежде всего с ней! И война, если она ещё будет идти, будет идти против одного только Запада, против «trios pays libres» («три свободных стран» — Британии, Франции и Соединённых Штатов), против «цивилизации», «литературы», политики, риторической буржуазии...»).

От писем к статьям и обратно: вариативность и интертекстуальность текстов дискуссии

Как явствует из вышеприведенных фрагментов, Т. взял на вооружение дихотомию Достоевского, уточнив специфику обеих идей и превратив антитезу Рим/Антирим в следующий перечень антитез (схема составлена на материале пролога и главы «Нелитературная страна»):

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid, S. XXXI.

²² Ibid, S. 5.

²³ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. Санкт-Петербург: Наука, 1995. С. 355.

²⁴ Mann T., 1920. S. 8.

Запад-Германия (бюргер)	/	Крайний Запад (буржуа)
Аполитичность(ирония)	/	Активная гражданская позиция
Музыка	/	Политика
Бессловесность (немота)	/	Литература
Консерватизм	/	Радикализм
Культура	/	Цивилизация

Некоторые из антитетичных пар требуют расширения.

Лучшим государственным устройством для бюргера Манн считает «чиновничье полицейское государство» (ироническое цитирование стигматизирующей формулировки с сохранением кавычек²⁵ как бы дестигматизирует кайзеровскую Германию во взгляде «аполитичного»), а лучшей политикой — Realpolitik Бисмарка, идеологию «антиидеологии». Отстраненному наблюдателю это мировоззрение представляется парадоксальным (в том числе — и самому Т., спустя годы осудившему своё «диалектическое гусарство»²⁶), неотличимым от пародии на самое себя. Вот описание аморального обывателя-бюргера из письма Михаила Бакунина времён франко-прусской войны в мировосприятии «аполитичного»: «...она (Германия) утратила последние проблески инстинкта свободы ещё в времена Меланхтона и Лютера... покорность и послушание обратились у неё в привычку...привели к созданию суеверного культа всемогущества Государства...»²⁷. С 1914 по 1918 г. Манн искренне хочет быть адептом этого «культа» и считает, что подобное самописание требует смелости, и эта смелость у немцев есть.

Немецкой природе, по Манну, чужда имитация жизни, в том числе —

политической, и потому любому виду представительства, опосредованию он должен предпочитать прямое подчинение: «Любовь», «Дух», «Демократия» — сегодня трудно без отвращения слышать весь этот жаргон»²⁸. «Крайнезападная» вербализация явлений на уровне политических лозунгов превращает стремление к прогрессу в стремление к изображению прогресса.

Здесь снова можно было бы указать на философскую преемственность Т. и Достоевского, части голосов его беллетристическо-публицистической полифонии: разница между активной гражданской позицией (в негативной коннотации) и аполитичностью (в позитивной коннотации) базируется на том же контрасте малого конкретного дела и глобального абстрактного слова, что и разница между любовью к человечеству и любовью к человеку в статье «Влас»²⁹, не говоря о сходстве с максимой «Формулы чести — это смерть чести» из вышеупомянутого «Парадоксалиста»³⁰. Однако достоверно известно, что созвучную мысль Т. выписал из драмы Рихарда Демеля 1917 г. «Друзья человека»: «Немножко человеческой доброты лучше, чем вся любовь к человечеству»³¹. Сам Демель, идеальный пример экзальтированной имморалистской лирики в манновской бинарной оппозиции «западное — крайнезападное»,

²⁵ В оригинале «der vielverschriene «Obrigkeitsstaat»» - «пресловутое / печально известное «авторитарное государство»». Mann T., 1920. S. XXXII.

²⁶ Манн Т. Письма / изд. подг. С. К. Апт. М: Наукаб 1975. С. 161.

²⁷ Бакунин М. А. Философия, социология, политика. Москва: Правда, 1989. С. 271.

²⁸ Mann T., 1920. S. XXII.

²⁹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1873. V. Влас // Собрание сочинений: в 15 т. Т. 12. Санкт-Петербург: Наука, 1994. С. 37–49.

³⁰ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 13. Санкт-Петербург: Наука, 1994. С. 143

³¹ Манн Г. Манн Т. Эпоха. Жизнь. Творчество. Переписка. Статьи. Москва: Прогресс, 1988. С. 161.

в начале войны пошёл в немецкую армию добровольцем³² [Седелник, 2017].

Можно было бы задаться вопросом, почему же в Германии, если её *Volksggeist* настолько отторгает демократические институты, а аполитичность — его неприемлимая политическая позиция, вообще имеет место такое «предательство национального духа», как выборы в рейхстаг? Манн предупреждает подобные возражения, создавая каждому своему понятию точку опоры в соседнем, своеобразный кольцевой коридор: «Немецкая демократия не настоящая демократия, поскольку она не политика». Получается, лучшее качество немецкой демократии — её формальность, пока она «в большей степени «немецкая», чем «демократия»»³³.

Вывод, как и многие другие выводы в «Рассуждениях», получается парадоксальным, но внутренне логичным: чтобы «тлетворный дух» католической институционализации реальности не уничтожил немецкий дух, слившись с ним, нужно ограничить его проявление лишь внешней атрибутикой, по принципу двойного отрицания бережно поддерживать имитацию имитации жизни, держать демократию дома, чтобы вакуум её отсутствия не заполнила демократия «крайнезападного» образца.

Дихотомия немоты и литературы

Почему же в «Рассуждениях» существует дихотомия «немота/литература»? Кто и когда считал родину Гуттенберга и Гёте бессловесной? Как соотносятся эта антитеза и упоминание в этой же книге А. Штифтера, Теодора Фонтане (представителей «бюргерской» литературы, вдохновителей Манна)? Наконец, как может литератор Томас Манн, отсылающийся к собственным художественным текстам в этой же работе, называть литературу антинемецкой?

Безусловно, при противопоставлении «немоты» и «литературы» Манн всецело

придерживается «Трёх идей» и, даже в большей степени, «Германского мирового вопроса». Метафору великой вековой немоты, бесконечного поиска собственного слова он распространяет на Германию в той же степени, в которой крайнезападные страны предстают рабами буквы закона, педантами и схоластами.

Термин «литературность» стоит воспринимать не буквально, а как и в случае с «католичеством» у Достоевского, как свойство характера и мышления, в большей или меньшей степени присущее нации, как ярлык-символ. Поскольку Манн убеждён, что проявления немецкого и латинского духа отличаются некой внутренней подлинностью, он использует своего рода мимикрирующие термины, отличающиеся на полтона не по словарному значению, а только в инструментарии «аполитичного». Поэтому контекстными антонимами, как бы странно это не выглядело при цитировании отдельных фрагментов, становятся германская гуманность и французская гуманистичность, германская космополитичность и французская интернациональность. Контекстным антонимом литературы и определением рода собственной деятельности для Манна становится «поэзия», и ни одно академическое определение поэзии здесь ни при чём.

Немецкая литература, по Манну, нелитературна (если экстраполировать его же определение немецкой демократии, «больше немецкая, чем литература»), и легко могла быть лишена таких «литературных» свойств, как «литературная гуманность, наследие Рима, *классический жест, классический разум*, роскошное слово, соединённое с роскошным жестом, прекрасные, волнующие человеческие сердца, славящие красоту и достоинство человека *фразы*, академическая риторика *во имя рода человеческого*»³⁴. Все вышеперечисленные качества «крайнезападного» мира, разумеется, контекстом превращены в стигмы.

³² Седелник В. Д. Взлет и падение Рихарда Демеля // Prosodia. 2017. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/prosodia/2017/6/vzlet-i-padenie-riharda-demelya.html>

³³ Mann T., 1920. S. XXXX.

³⁴ Mann T., 1920. S. 11.

Подобные представления об этике и эстетике, казалось бы, «подпольно»-субъективные, неприменимые в ином контексте и ином политическом лагере, устаревшие на сорок лет, оказались в достаточной степени универсальными и жизнеспособными, чтобы, как будет показано ниже, резонировать с другими документами эпохи. Но в первую очередь это разоблачение литературы как инородного, неорганичного придатка немецкой культуры направлено на одного конкретного литератора, того самого «немецкого западника» Генриха Манна, пацифиста, ещё до войны обретшего статус врага германского милитаризма благодаря роману «Верноподданный».

Доказательством актуальности «Верноподданного» в европейском политико-философском дискурсе Великой войны должны были бы послужить и рекордные для Генриха Манна тиражи первого отдельного издания (100 тысяч копий меньше чем за два месяца [Betz, 1992: 11]), и критические статьи более поздних лет, называющие Манна обличителем фашизма до того, как это слово появилось (в том числе, самокомментарий³⁵). Но в контексте статьи примечательнее читательский комментарий современника. В письме С. А. Жебуневу от 4 февраля 1916 г. Владимир Короленко оставил следующий отзыв: «Есть превосходный немецкий роман Генриха Манна “Верноподданный”, где автор немец рисует культ Вильгельма и прусское “верноподданничество” удивительно яркими и сильными чертами... Это всё-таки должно напоминать нам и о другой стороне “немецкого духа”, который в лице Маннов и Либкнехтов умеет бороться за другие, общечеловеческие идеалы»³⁶. Из-за традиционного для русской критики приёма (метонимического превращения имени собственного в типаж), у Короленко получилась, вероятно, незапланированная ироничная ошибка: «Манны»

борются за «общечеловеческое» лишь наполовину, вторая же половина по имени Томас это общечеловеческое презирает.

Короленко, боящийся, что Германия «проглотит Европу»³⁷, но признающий общую вину всех стран-участниц за развязывание войны и критикующий милитаризацию французского и российского образования, рассуждает о немецком духе в тех же терминах, что и прогерманский публицист. Просто Короленко выступает защитником «альтернативной немецкости», антиавторитарной, пацифистской и демократической, тогда как Т. рассматривает её как зловредную аномалию.

В 1915 г. в швейцарской газете «Weiße Blätter» была опубликована статья Генриха Манна об Эмиле Золя, ставшая для Т. серьёзным ударом. В письме Г. от 3 января 1918 г. (первом с 1914 г., после трёхлетнего бойкота: разные взгляды на войну поссорят братьев на многие годы, полноценно переписка возобновится лишь в 1922 г.³⁸) Т. с укоризной припоминает брату именно «Золя»: «Но вещи, которые ты в своей статье о Золя позволил своим нервам и преподнёс моим, — нет, такого я никогда себе не позволял и не преподносил никому»³⁹.

«Непозволительность вещей» заключалась в том, что статья Генриха во всём противоречила взглядам Томаса на народный характер войны, природное желание немцев быть вне политики, противопоставленность литературы политике, «право восходящей силы». Если в биографическом очерке о Золя заменить Вторую Империю на Второй Рейх, станет очевидно, что так разозлило «аполитичного» брата (цитируется по речи Г. о Золя в Праге, созданной на материале статьи): «Но ведь ни с того, ни с сего Империи не рушатся, для этого на их совести должно быть много грехов, много несправедливости и много лжи... Французская революция [завуалировано,

³⁵ Манн Г. Молодые годы короля Генриха IV / Пер. с нем. В. Станевич. Вступит. статья Г. Знаменской. Москва: Правда, 1988. С. 10.

³⁶ Короленко В. Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. 10. Письма 1879—1921. Москва: ГИХЛ, 1956. С. 268.

³⁷ Там же.

³⁸ Манн Г. Манн Т., 1988. С. 171.

³⁹ Там же: С. 166.

но очевидно в контексте — объединение Германии — К. А.] давно позади, во всех сердцах уже давно созрело требование демократии, а между тем империя продолжала оставаться военным и классовым государством, в котором воля народа проявлялась лишь в извращенном виде. Империя, стало быть, существовала вопреки совести эпохи, вопреки её разумению... войны французской Второй империи — сейчас нам трудно это себе представить [очевидный в 1916 г. сарказм — К. А.] — были войнами власть имущих и капитала, войнами, к которым народ удавалось склонить лишь с помощью самой грубой и беззастенчивой лжи...»⁴⁰. Генрих Манн отказывал немецкому (как, впрочем, и любому иному) духу во всех тех качествах, которые обладали для Томаса особым значением, более того — он отказывал ему в исключительности и, как следствие, в исключительном праве на государственное насилие.

Это может показаться несвойственным защитнику авторитарного государственного устройства, однако Т. помимо идей брата ненавистна та дидактичность, та назидательность, с которой тот говорит о гражданском сознании и которую хвалит в Золя-писателе. В своей апологии аполитичности и немецкого порядка Т. не стремится подогнать свои представления о народном духе под все внешние и внутренние политические решения императора или кайзера: колониальные амбиции Вильгельма вовсе кажутся ему несвоевременными, инородными (что прямо произносится во вступительной главе «Рассуждений»). Столь же инородной, «литературно-гуманистической» кажется ему и воспитательная функция искусства или, если быть точным, провозглашённая воспитательность, не столько положительные примеры и диагностика общественных проблем, сколько ореол сеятеля «доброто, разумного и вечного», возникающий вокруг фигуры «литератора».

Т. сформулирует эту антипатию следующим образом в том же письме брату

от 3 января 1918 г.: «Большой бюргерский художник [обязательная для Томаса опора на авторитет «германского» писателя, австрийца Штифтера, для более выразительного противопоставления поэтике Генриха], Адальберт Штифтер, сказал в одном письме: «Мои книги — это не только поэтические произведения: как нравственные откровения, как свидетельства серьёзного и строго хранимого человеческого достоинства, они обладают ценностью более долговечной, чем поэтическая». Я имею право повторять это вслед за ним, и тысячи людей, которым я помогал жить, — хотя и не рекламировал contract social, приложив одну руку к сердцу, а другую воздев горе, — видят его, это право...»⁴¹. Иными словами, Манну претит не душеспасительная миссия, а проповедническая поза, «латинская» же идея, как и «латинские» литераторы, в частности — Г., подменяет миссию позой, культуру цивилизацией. Политический массовый путь преобразования человечества кажется ему, адепту «Трёх идей», индивидуального христианского самоанализа Достоевского и эстетического воспитания Шиллера, формальным и бесперспективным.

Музыка и политика

Почему музыку Томас Манн считает противоположностью политики? Тут он цитирует и вольно интерпретирует уже не Достоевского, а Ницше и Вагнера. Музыка, бессловесная и потому многоликая, тёмная и пассивная и потому сильнодействующая, прекрасна в своей безответственности, лукавости, неуловимости. Без прагматичного подхода и самоотчёта, упорядоченная внутри и хаотичная в выводах и восприятии, музыка для Манна — самое немецкое явление.

Из работ Ницше, посвящённых музыке, в контексте «Рассуждений» достойны упоминания две. В «Казус Вагнер», статье, совершенно не комплиментарной по отношению к Вагнеру, «возбудителю больных

⁴⁰ Манн Г. Соч.: в 8 т. Т. 8. Литературная критика и публицистика с. 102-104.

⁴¹ Манн Г. Манн Т., 1988. С. 166-167.

нервов», посвящённой иррациональной силе его музыки, Ницше изображает его воплощением декаданса, деструктивным духом имморализма и упрощения: «Вагнер почти открыл, сколько магического можно совершить даже *разложённой* и как бы сделанной элементарною музыкой»⁴².

Однако Т. предпочитает цитировать и интерпретировать другой очерк, точнее — черновую формулировку, не вошедшую в итоговую версию «Рихарда Вагнера в Байрете: «Мейстерзингеры (опера Вагнера) — противоположность цивилизации, немецкое против французского» [Scheiffele, 2001: 273]. Немецкое, исходя из этой формулировки, оказывается антицивилизационным в той же степени, в какой и антифранцузским и музыкальным. Лучшего совпадения всех пунктов «Deutschtum» (германства) в одной фразе, Т. не мог и желать.

Противопоставление аморально-музыкальной Германии и рефлексивно-литературной Франции в годы Первой мировой не ограничивается творчеством Т. и немецким дискурсом. В статье В. П. Трыкова «Марсель Пруст: отношение к России» приводится следующий отрывок из письма Пруста Полю Судэ от 11 апреля 1915 г. (примерно в то же время писались первые главы «Рассуждений»): «Современная немецкая литература так ничтожна, что этот режим сосредоточился на одной музыке (если бы Россия выступила в этой войне против нас, сколько удобнейших тем представили бы Толстой и Достоевский проповедникам от журналистики и философам от фельетона!)» [Трыков, 2008].

Удивительное, но не единственное совпадение: и Томас Манн, и Марсель Пруст представляют Достоевского своеобразным философским соучастником, а Россию — страной, которая ближе по духу к ним, чем к их политическому противнику. В случае Манна — по принципу антизападности, тёмного духовного родства, в случае Пруста — по принципу литературности.

Пруст, для которого высшее проявление литературности — утончённая рефлексия и мотивировка событий, осмысление в периоде, вербальное воплощение всего, что только можно воплотить вербально, мог бы послужить для Манна идеальным примером того самого Запада, который «насквозь литературен» и «политизирован». Если духовный лик Германии подобен её границам тем, что «плохо очерчен», Пруст и Франция в его лице — пример самой скрупулёзной очерченности.

Приведём два примера из русской художественной публицистики, чтобы продемонстрировать неслучайный характер противопоставления «музыкальных» немцев и «литературных» французов. Первый — из статьи Николая Гумилёва «Наследие символизма и акмеизм», напечатанной в январском номере журнала «Аполлон» за 1913 г. Статья, позиционирующаяся как манифест акмеизма (именно так она и воспринималась современниками⁴³), казалось бы, едва ли может быть семантически связана с германо-французской конфронтацией. Однако политическая образность настолько интегрировалась в общественный дискурс предвоенной Европы, настолько неразрывно была связана с осмыслением фольклора, литературных течений и даже роли отдельных авторов, что именно несходством двух «народных духов» Гумилёв объясняет кризис символизма в России. В его концепции дух Франции слишком вербален и очерчен, чтобы в ней мог самопроизвольно зародиться расплывчатый символизм, прямой вывод из этого — немецкая природа символизма, попавшая в чужеродную почву волей случая: «Романский дух слишком любит стихию света, разделяющего предметы, чётко вырисовывающего линии; эта же символическая слиянность всех образов и вещей, изменчивость их облика, могла родиться только в туманной мгле германских лесов»⁴⁴.

Гумилёв, как впоследствии Манн, субъективно сопрягает конкретное

⁴² Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1990. С. 540.

⁴³ Брюсов В. Я. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. Москва: Советский писатель, 1990. С. 394–398.

⁴⁴ Гумилёв Н. С. Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. №1. С. 42.

и абстрактное, использует метафору как доказательство. Разница незначительна: где Манн говорил о неопределённости «особого пути» как о размытости границ, Гумилёв в поисках вдохновения обращается не к политическому, а к климатическому атласу, оправдывая таинственность германского духа погодой в Шварцвальде и Харце.

Дихотомия оказалась настолько адаптивной, распространённой и жизнеспособной, что пережила саму Великую войну. В журнале Знамя в 1921 г. была напечатана статья Александра Блока «Крушение гуманизма», написанная в 1919 г. Рассуждения Блока в этой статье вообще по многим установкам поразительно близки работе Манна годовалой давности: те же апелляции к операм Вагнера⁴⁵, то же противопоставление индивидуалистической, западной, «гуманной», цивилизации и новых, тёмных, величественно-жестоких сил, смывающих старый мир, крушащих гуманизм и предвосхищающих эру человека-артиста⁴⁶. Словам старого мира будет дан ответ «на варварском языке бунтов и кровавых расправ».

Столь многостороннее сходство семантики манновских «варваров» и блоковских «скифов» заставляет сделать предположение об общем генезисе двух образов: немецкого образа «гуннов-варваров» и русского образа восточных орд, жестоко обновляющих человечество (к этой же традиции, помимо «Скифов» Блока можно отнести и более ранние тексты: «Грядущих гуннов» Брюсова и «Панмонголизм» Соловьёва). Усиливается это сходство и тем обстоятельством, что для обоих гунн-варварскиф, новый человек — это переходное звено к человеку-артисту, человеку-художнику. Не читавший Блока Манн в 1917 г. в статье «Мир во всём мире?» пишет, что счастливое будущее Европы подразумевает стирание понятий «демократический»

и «аристократический» и наступление эры «аполитичной и художнической»⁴⁷.

Правильнее было бы назвать этот текст, напечатанный в «Берлинер Тагеблатт», не статьёй, а комментарием приглашённого эксперта или анкетой с развёрнутым ответом на один единственный вопрос: какое будущее ожидает Германию после войны (на тот момент ещё не завершившейся). Двумя днями ранее в той же газете напечатали ответ Г. на этот вопрос: статью «Жизнь, не разрушение»⁴⁸. В очередной раз публицистика Т. становится не только личным политическим высказыванием, но также ответом, контрвыпадом на слово брата. Притом, перечень тем, образов и взаимных претензий почти не претерпевает изменений, если сравнить эту пару текстов с двумя последующими письмами и двумя предшествующими публикациями («Золя» и 6-я глава «Рассуждений аполитичного»). Как и для Т., для Блока культура имеет свойство вырождаться в цивилизацию, становиться её старческой стадией (так же, как ранее у Руссо⁴⁹, а впоследствии — у Шпенглера в «Закате Европы» (концептуальная и образная близость работ Блока и Манна уже становилась предметом филологического исследования [Магомедова, 2017: 144]). Так же, как и Манн, Блок видит зачинателями нового мира немцев и русских. Правда, уже в контексте «мирового пожара в крови», ведь роль крушителя гуманизма Блок уготовливает не кайзеру в отставке и не расстрелянному царю, а социалистической революции. Однако в том, что касается жизни Volksgeist'ов в прошедшем столетии, авторы сходятся, — только Блок, не прописывая их различия в мелочах, ограничивается генеральным противопоставлением, основополагающим, по его мнению: гуманизм индивида против музыки масс. Это противостояние видится ему наднациональным, мировым (что позволяет не думать о таких

⁴⁵ Блок А. А. Крушение гуманизма. Strelbytskyy Multimedia Publishing. 2017. С. 33.

⁴⁶ Там же: С. 38.

⁴⁷ Манн Г. Манн Т., 1988. С. 162.

⁴⁸ Там же: С. 159.

⁴⁹ Руссо Ж.-Ж. Рассуждения о науках и искусствах // Избранные сочинения: в 3-х т. Т. 1. Москва, 1961. С. 45.

исключениях, отступлениях от правила, как немцы-писатели и французы-композиторы): «Я различаю ещё в той борьбе, которой наполнен XIX век, как будто преобладание работы рас германской и отчасти славянской — и, наоборот, — молчание рас романской и англосаксонской. Это естественно, так как у англичан и французов музыкальная память слабее, и потому в великой битве против гуманизма, против безмузыкальной цивилизации они более сэкономили свою кровь, чем германцы⁵⁰».

Культурологически контринтуитивное сейчас, но ходовое в начале «некалендарного двадцатого века», деление Европы на музыкальных варваров и словесную цивилизацию служит ключом к пониманию другой статьи Т.: «Фридрих и большая коалиция». «Капральская палка»⁵¹ (задающая ритм дирижёрская палочка) Фридриха Великого — милитаристская дисциплинированная молодая Пруссия, «литература в шёлковом шлафроке» — сонный стареющий западный мир, окружающий Пруссию.

«Фридрих и большая коалиция» позволяет лучше понять «Рассуждения аполитичного», и наоборот, ведь вольный пересказ правления Фридриха, превратившийся в недвусмысленную аллегория на актуальные события. К примеру, представление о Германии как о «стрелке на весах» европейского равновесия⁵², выводит её из ряда остальных держав, делает исключительной. А наивный вопрос Чарльза-Этьена Йордана: «Почему, в конце концов, газеты к нам так неблагоприятны...»⁵³, — не только приобретает в выстроенной Манном композиции ироническую интонацию, но и располагает к ответу «аполитичного» — газеты неблагоприятны по своей цивилизационно-литературной, вербальной природе и никогда не будут благоприятны

(в частности — в 1915 г.). «Аполитичный» объясняет, что газеты созданы для продвижения гуманистической повестки, а пруссаки — её разительная противоположность. Об антиримской натуре Фридриха напоминает и то, что «во Франции... его сочли просто дикарём — его называли там не иначе как «варваром» и «чудовищем Севера». О государственной молодости, свежести Пруссии на фоне стареющей Европы напоминает словосочетание «право восходящей силы». О внутреннем несходстве двух миров — фраза «цивилизованные государства должны были вытравить прусский дух»⁵⁴ и т.д.

Немецкий правитель как «просвещённый деспот», которого смогли «вынудить к нападению, навязать ему формальную роль агрессора», («Россию подбивали присоединиться») — эти и вышеприведенные пассажи в комплексе создают медиаторы для контаминирующего тропа, своеобразной метаболы, метаболитами [Эпштейн, 1989: 77] которой служат семилетняя война и Великая война. Главный же объединяющий образ — Германия как осаждённая крепость, одна против мироздания: ср. фрагменты из «Фридриха» («Против нас... все европейское общественное мнение!», «...если копнуть чуть глубже, это была война оборонительная — ведь Пруссия была «окружена»⁵⁵), — и из «Рассуждений»: «...она [Германия] без колебаний бросается в бой с обступившим её миром, римским Западом, который сегодня повсюду, на востоке, на юге, даже на севере...»⁵⁶.

«Запад», разлившийся по компасу, органично вписывается в перечень «антиэмфаз» Достоевского (термин М. Л. Гаспарова, обозначающий художественный приём расширения семантики, деконкретизацию⁵⁷). Его «католический» мир

⁵⁰ Блок, с. 38.

⁵¹ Манн Т. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе / Пер. с нем. С. Апта, В. Бакусева и др. Москва: Культурная революция, 2009. С. 13.

⁵² Там же: С. 17.

⁵³ Там же, с. 18.

⁵⁴ Там же, с. 48.

⁵⁵ Mann T., 1920. S. 10.

⁵⁶ Русская поэзия «серебряного века», 1890-1917: Антология / под ред. М. Л. Гаспарова. Москва: Наука, 1993. С. 16.

⁵⁷ Mann T. Betrachtungen eines Unpolitischen. S. Fischer Verlag. Berlin. 1920. S. 10.

включает в себя такие маргиналии, как языческий Рим, протестантская Америка, робеспьеровский культ Верховного Существа и атеизм якобинцев — «Запад» Т. обнаруживается «даже за океаном, где стоит новый Капитолий...»⁵⁸.

Ключевые параллели с актуальными событиями, которые Т. стремится констатировать, которым ищет подтверждение как исторической закономерности — это якобы фальшивая нейтральность страны, через которую прошли немецкие войска (Саксония против Фридриха и Бельгия против Вильгельма), и якобы вынужденный, оборонительный характер захватнической войны.

Т. в 1915 г. убеждён, что Бельгия (как Саксония при Фридрихе Августе II) сама виновата в том, что «усачи» прошли через неё: «Если Фридрих и был не прав по букве закона, нарушив нейтралитет, который был записан на бумаге [не плеоназм, а очередная констатация словесной природы институционализирующего «крайнезападного мира» — К. А.], но отступничество от которого на бумаге записано не было, то действовал он так в крайнем случае необходимой самообороны. Ему пришлось взвалить на себя вину, чтобы вывести на свет Божий вину своих противников»⁵⁹.

Историческое величие оправдывает в глазах «аполитичного» сиюминутные обвинения, он полагает, что в долгосрочной перспективе про Вильгельма можно будет сказать, как про Фридриха: «Как-то позабылись его преступления, *прегрешения против международного права*»⁶⁰. Сама система международных отношений, что Вестфальская, что Венская, по мнению «аполитичного» — игра в благородство, жонглирование «жаргонизмами» «Дух»,

«Свобода», «Демократия» (в реалиях Фридриха и эпохи просвещения их можно заменить «цивилизованностью, справедливостью, человеколюбием»⁶¹). В этом отношении Манн радикальнее других прогрессивных публицистов: те предпочитали не оправдывать «формальные» правонарушения духовной правотой дела, а опровергать их.

Личное и публичное как звенья полемики

Разберём одно из подобных «прегрешений против международного права», освещённое с нескольких ракурсов: разрушение в августе 1914 г. бельгийского города Лёвена (в большинстве русскоязычных источников и переводов с немецкого и французского город на французский манер называется Лувеном), «бельгийского Оксфорда», депортация и убийство мирных жителей, разрушение памятников архитектуры (остались не только фотографии разбомблённой университетской библиотеки и руин кафедрального собора⁶², но также кадры кинохроники⁶³).

Выбор риторики английских и французских газет очевиден: немецкие «гунны» вторглись на территорию нейтральной страны и оправдывают своё прозвище сполна. Примечательно, что союзники стигматизируют немцев не только как антицивилизационную, но и как антикатолическую силу, правда, совершенно в отрыве от политической философии Достоевского: на британских агитационных плакатах, рассчитанных на католическое ирландское население, изображён ирландец на одном берегу реки и обугленные руины домов и соборов на другом, женщина

⁵⁸ Манн Т. Аристократия духа. Сборник очерков, статей и эссе / Пер. с нем. С. Апта, В. Бакусева и др. — М.: Культурная революция, 2009. С. 44.

⁵⁹ Там же, с. 56.

⁶⁰ Там же, с. 45.

⁶¹ A Photographic Review of the War: Consisting of a Carefully Selected Series of the Best Pictures of the War Printed in Rotogravure // The New York Times Current History of the European War. 1915. Vol. 1, No 5. P. 870-872. URL: <http://www.jstor.org/stable/45467987>

⁶² Кадры хроники First World War — Sack of Louvain — Louvain, 1914. URL: <https://www.firstworldwar.com/video/sackoflouvain.htm>

⁶³ WWI: Poster, 1915. / N'For The Glory Of Ireland. Will You Go Or Must I?' Lithograph, 1915.

с винтовкой указывает на них и призывает ирландца вступить в войну: «Ради славы Ирландии / Пойдёшь ты, или придётся мне?»⁶⁴.

Лёвен становится именем нарицательным, синонимом тотального, жестокого и бессмысленного разрушения: в польских газетах (в газетах Царства Польского в составе Российской империи) разрушение города Калиша называли «Польским Лувеном» [Woźniak, 1995: 20].

2 сентября 1914 г. в «Journal de Geneve» было опубликовано открытое письмо Романа Роллана Герхарду Гауптману. Авторский комментарий к публикации объясняет, почему письмо написано 29 августа: в тот день в «Gazette de Lausanne» появились новости об оккупированном бельгийском городе: «Старинный город Лувен, богатый произведениями искусства, более не существует»⁶⁵.

Спор Гауптмана и Роллана в контексте спора Т. и Г. примечателен не только интертекстуальной связью с последним, но и общностью тем и образов: оппоненты формально отвергают миф о противостоянии варваров и цивилизации и вместе с тем в своих рассуждениях отталкиваются от этой взаимной стигматизации, усложняя и видоизменяя её. Так Гауптман писал: «Мы предпочитаем быть и оставаться немецкими варварами, для которых женщины и дети наших противников священны... мы никогда не дойдем до такой низости, чтобы избивать и мучить бельгийских женщин и детей»⁶⁶. С одной стороны, очевидное иронизирование над пропагандой англичан и французов в логике Гауптмана — подмена терминов в ответ на подмену понятий. С другой стороны, понятия как раз-таки сохраняются, происходит их внутренняя метаморфоза, превращение в собственную противоположность:

появляются «варвары»-рыцари и «цивилизация»-разрушение.

В свою очередь, Роллан начинает своё письмо с отказа от деления на варваров и неварваров, что не помешает ему закончить письмо тем же противопоставлением: «Я не из тех французов, Гергарт Гауптман, которые *Германию считают варваром...*»⁶⁷. Это утверждение — способ отделить и не затрагивать национальный фактор, осудить государство, дистанцируясь от понятия народного духа (Манн, как мы помним, напротив, принципиально связывал национальность и государственное устройство).

«Варвар» и «гунн» в письме Роллана не немец и не метонимическая Германия, а немецкий милитаризм. Его Роллан обвиняет, без негодования и удивления, в нападении на нейтральную страну. Без удивления, поскольку считает давно известным немецким качеством — совершить подобное: это «входит в политическую традицию ваших прусских королей». Авторского комментария по поводу этой фразы Роллан не оставляет, однако контекст делает очевидным, что «пруссский король» в «нейтральной стране» — это Фридрих в Саксонии. Это вскрывает дополнительный контекстуальный пласт «Фридриха и большой коалиции»: превращает его в ответ Т. на ответ Роллана Гауптману, двойную апологию Германии в дискуссии с общим набором примеров и исторических иллюстраций. (Здесь будет уместно констатировать многослойную интертекстуальность дискуссии: статья Гауптмана тоже не является отправной точкой — это ответ Бергману и Метерлинку⁶⁸).

Но некоторые действия немцев Роллан всё же критикует с удивлением и откровенным негодованием. Захваты городов и убийства вписываются в его оптику —

⁶⁴ Роллан. URL: http://az.lib.ru/r/rollan_r/text_0060.shtml.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ «Der oberflächliche Feuilletonist Bergson in Paris mag uns immerhin Barbaren nennen, der große Dichter und verblendete Gallomanne Mäterlinck uns mit ähnlichen hübschen Titeln belegen, nachdem er uns früher „das Gewissen Europas“ genannt hat.» Цит. по: „Wer schweigt, wird schuldig!“ Offene Briefe von Martin Luther bis Ulrike Meinhof. Wallstein, Göttingen 2007, S. 94.

⁶⁸ Там же.

это часть логики войны, циничной и негуманной, но понимаемой; разрушение исторических памятников — её алогичность: «Вы бомбардируете Малин, вы сжигаете Рубенса. Лувен уже не больше, как куча пепла, — Лувен, с его сокровищами искусства, науки, — священный город! Но кто же вы такие? и каким же именем, Гауптман, называть вас после этого, вас, отвергающих имя варваров? Чьи внуки вы — Гёте или Атиллы?»⁶⁹.

Провозглашая в начале письма отказ от стереотипов национального характера, Роллан, по сути, с помощью риторического вопроса предлагает немцам самостоятельно выбрать, какому из них они больше хотят соответствовать. Дихотомия «варвары-цивилизация» оказалась достаточно гибкой, чтобы войти в инструментарий настолько несогласных друг с другом авторов, как Роллан и Гауптман или тот же Т. Однако, если Т. пишет о блистательном противостоянии лицемерным судьям, сговору «остального мира», описывает изолированность Германии как акт стоицизма, Роллан подчёркивает эту же изолированность как следствие преступных и жестоких мер и видит тот же «остальной мир» вокруг Германии её судьёй, в его интерпретации — судьёй справедливым: «...и тогда [если немцы не осудят тех «гуннов», которые ими руководят — К. А.] пусть раздавит вас приговор всего мира!»⁷⁰.

Немецкая общественная мысль не оставляет эти упреки без внимания: в октябре того же года в десятках немецких газет был опубликован «Манифест Девяноста трёх»⁷¹. Подробный анализ этого обращения «к культурному миру», проведённый в статье на смежную тему [Антоневиц, 2024: 37–38], в достаточной степени раскрыл роль концепта варварства и его семантики в тексте. Сейчас обратимся к его апологическим качествам в контексте

непосредственного обмена мнениями и обвинениями, рассмотрим его как звено в полемической цепочке.

Т. среди подписавших не значится, но коллективному нарратору присущи те же парадоксализм и радикальность: «Каждый немец будет оплакивать все произведения искусства, которые уже разрушены, как и те произведения искусства, которые ещё *должны будут быть разрушены*. Однако... мы отказываемся купить сохранение произведения искусства ценой немецкого поражения...»⁷².

Авторам текста свойственны избирательность при поиске материала, аппликационный характер собранного («Знаменитая ратуша стоит цела и невредима», «Большая часть Лувена уцелела», что не касается библиотеки, собора и более чем тысячи других зданий) и убеждённости в априорности правоты, когда требуется опровергнуть немецкие военные преступления: «Неправда, что наши войска зверски свирепствовали в Лувене. Против бешеных обывателей, которые коварно нападали на них в квартирах, они с тяжёлым сердцем были вынуждены в возмездие применить обстрел части города»⁷³ (ср с «Ему пришлось взвалить на себя вину» в «Фридрихе...»⁷⁴ Т.). Иными словами, это не столько опровержение фактов, сколько поиск их более подходящей для немецкого нарратива интерпретации.

Похожим образом авторы манифеста объясняют интервенцию в Бельгию в целом: «Неправда, что мы нагло нарушили нейтралитет Бельгии. Доказано, что Франция и Англия сговорились об этом нарушении. Доказано, что Бельгия на это согласилась»⁷⁵. Нападение легитимировано тем фактом, что Бельгия якобы стала союзницей Антанты до того, как немцы ввели войска на её территорию. Однако в контексте статьи важно не то, что утверждение

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Цит. по Пуанкаре Р. На службе Франции 1915–1916. Москва: АСТ, 2002. С. 578.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Манн Т., 2009. С. 44.

⁷⁴ Пуанкаре, с. 578.

⁷⁵ Искьердо А. Планк. Квантовая теория. Революция в микромире. Москва: Де Агостини, 2015. С. 56–58.

антиисторично, что план Шлиффена за годы до начала войны подразумевал нападение на Францию через Бельгию [Первая мировая война..., 2014: 48], что немецкая нота Бельгии, полученная 2 августа, содержала ультимативное требование королю Альберту пропустить немецкие войска под предлогом защиты Бельгии от якобы уже напавшей на неё Франции, чего не происходило [Первая мировая война..., 2014: 48]. Важно восприятие современников и их принципы работы с информацией. Рефрен текста — «Доказано», и это не доказательство факта, это доказательство мотивированности действий, для воодушевлённых граждан Германии летом и осенью 1914 г. — доказательство исчерпывающее.

Несмотря на существование телеграфных сетей, военных корреспондентов и представителей неправительственных организаций, средства массовой информации враждующих сторон оставались в значительной степени изолированными, а в немецких газетах фотографии сгоревшей библиотеки и разрушенного собора не публиковались. Этим отчасти объясняется, что с течением времени некоторые из подписавшихся, по собственной инициативе, к примеру, Макс Планк, признали своё участие в публикации ошибкой⁷⁶. Один из указанных среди подписавших манифест, Вильгельм Фёрстер, вообще не давал согласия на подпись и вскоре после публикации подписал, уже по собственной воле, антивоенный манифест⁷⁷.

Если посмотреть на номер газеты «Berliner Tageblatt» (в ней, напомним, братья Манн в 1917 г. опубликуют свои эссе о послевоенном будущем), за 29 августа 1914 г., там можно найти статью военного корреспондента Генриха Биндера о Лёвене «Разрушение Лёвена» с кратким содержанием в подзаголовке: «Вероломное нападение на немецких офицеров — Уличные бои длятся сутки»⁷⁸. В статье сообщается, что

в городе царил покойствие, пока вероломные бельгийцы не напали на немецких офицеров, что привело к уличным боям и воспламенению бензина. Бои приобрели непредсказуемый характер. Пожар распространился на несколько домов, и ситуацию спасли немецкие штурмовики (отдельно подчёркивается, что в большинстве своём они — семейные люди). Произошедшее стало «для бельгийского правительства и горожан Лёвена, инициировавших это организованное нападение, суровым, но справедливым наказанием»⁷⁹.

Сравнив тексты манифеста и статьи, можно констатировать, что вне зависимости от читателя («весь культурный мир» или берлинский горожанин) и статуса автора (военный корреспондент или учёный-лауреат), в сводке с фронта и в манифесте прослеживаются те политико-философские тенденции, которые определяют представления бюргеров о собственной исключительности. Набор стигм почти идентичен у Деяноста трёх, Биндера и Т.: коварный враг, ратующий за соблюдение правил и бесконечно их нарушающий, «клеймо» варвара-гунна, которым стоит гордиться, солидарность всего мира в ненависти к Германии, требующее солидарности, духовного единения всего немецкого народа (как следствие — остракизм «инородных» элементов, немцев-пацифистов).

Есть один удачный пример, позволяющий понять, насколько тезисы немецких провоенных интеллектуалов созвучны газетным лозунгам и не расходятся с более простой риторикой в восприятии современника. Это переписка Джулии да Силвы-Брунс (также известной как Юлия Манн), матери братьев Манн, дочери бразильянки и немецкого фермера, до 7 лет не умевшей говорить на немецком, с сыном Генрихом.

В письме Г. (единственному в семье, кто занимал антивоенную позицию) от 1 октября 1914 г.⁸⁰, Юлия умоляет сына

⁷⁶ Беркович Е. М. Антиподы. Альберт Эйнштейн и другие люди в контексте физики и истории. Семь искусств. Ганновер, 2014. С. 62.

⁷⁷ Binder H. Die Zerstörung von Löwen. Berliner Tageblatt und Handelszeitung. S. 1.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Манн Г. Манн Т., 1988. С. 431-432.

⁸⁰ Там же, с. 431

«не высказываться против своей Родины» или, в более домашнем, материнском формате родительского наставления, «не говорить с чужими людьми дурно о Германии». Позиция матери Маннов зиждется на четырёх убеждениях и лишь в одном второстепенном вопросе расходится с государственной (расходится, но не противоречит).

Во-первых, Германия — последний сторонник мирного урегулирования (ср. со словами о кайзере в «Манифесте девяносто трёх»).

Во-вторых, Германия воюет по правилам, тогда как её враги постоянно их нарушают. О французских или английских пулях «дум-дум» она не вспоминает, зато подчёркивает, что «германское командование точно знает, что соответствует международному праву, а что нет». Что же касается вторжения в Бельгию, то у неё нет сомнений, что эта страна была плацдармом для нападения на Германию: «И куда девался нейтралитет Бельгии, когда французы вышли на её землю и свершили все свои преступления?»⁸¹.

В-третьих, Германию нельзя называть агрессором, потому что виноваты все: все наращивали вооружения, даже социал-демократы всех стран допустили начало войны, не говоря уже о том, что Германия выполняет союзнические обязательства.

Наконец, в-четвёртых, на Германию напали из-за её величия, она вынуждена защищаться, потому что Франции, Англии и России невыгодна, чревата угрозами её независимость: «...мы могли бы стать добрыми друзьями этих стран, если бы подошли на скандинавские государства... самостоятельные, но всегда пребывающие в страхе перед великими державами»⁸². В этом вопросе мать целиком и полностью разделяет позицию сына Томаса: мирное слияние с остальной Европой означает утрату величия (Томас добавил бы, что и потерю идентичности, национального духа).

В последнем абзаце письма есть наивное и симптоматичное риторическое восклицание: «О, как было бы хорошо, если бы весь мир принадлежал германцам!»⁸³.

Заключение

Анализ статей и писем братьев Манн как интертекста позволил не только уточнить их взаимную обусловленность, сходства и различия подходов, но и обнаружить ряд характерных черт общественно-политического дискурса (немецкого, а в ряде аспектов — общеевропейского) в годы Первой мировой. Суммируя наблюдения и выводы, можно сформулировать четыре основные особенности.

Первая особенность — большая роль и сильное взаимное влияние художественной и философской публицистики, политической идеологии и хроники событий. Рассуждая о событиях на фронте, Томас Манн, Пруст и Блок апеллируют к эстетическим, культурологическим концепциям, а материалы газет и журналов, военные корреспонденции и очерки не только обуславливают появление материала для их рассуждений, но также сами эстетизируются, в упрощённом виде перенимают эти концепции.

Вторая особенность — рефлексия опыта Франко-прусской войны и возвращение к образности сорокалетней давности, а точнее — накопительный эффект и постоянное постулирование, позволившее не воспринимать эту старую образность устаревшей. При моделировании мифологического прошлого публицисты и аналитики использовали итоги Франко-прусской войны как новую точку опоры, как доказательную базу для героического прошлого, мученического в случае Франции и триумфального — в случае Германии. Ни Т. Манн, ни кто бы то ни было ещё не «переоткрыл» концепцию Достоевского из «Трёх идей», скорее, она органично включилась в повестку дня, как и другие «наработки» 1870-х гг.

⁸¹ Там же, с. 432.

⁸² Там же.

Третья особенность, актуальная для всего периода между двумя войнами, — мультизадачность культурологических концепций, простота их адаптации к военным реалиям и, в значительной степени, детерминированность военными реалиями. Сформулированная Достоевским и Томасом Манном цепочка антитез, конфронтация «идей» в совокупности с романтическим поиском народного духа, национальной идентичности, позволяет комплексно интерпретировать десятилетия политической истории Европы. В этой концепции логично, что в проигравшей «варварам» «старой цивилизационной» Франции Второй Империи появляются представления о «конце века», старости самого времени, последней и уточненной стадии в истории человечества, «проклятые поэты» и декадентство, мироощущение разлагающихся людей, живущих на руинах разлагающейся империи, от Гюте до Гюисманса. Столь же логичен в рамках этой концепции немецкий милитаризм, радикальное противопоставления нации и державы

всему остальному миру, возродившийся интерес к бидермайеру и бюргерской литературе, лирика Демеля и Гейма.

Наконец, четвёртая особенность — многоступенчатая полемичность, заимствование и переосмысление образов, метафор, тезисов противника. Ссылки на ссылки, ответы на ответы в статьях и открытых письмах — рядовое явление. «Рассуждения аполитичного» — это, в том числе, ответ на статьи Ромена Роллана из цикла «Над схваткой», на швейцарскую статью Генриха Манна о Золя и на опосредованную переписку братьев с помощью статей годом ранее. Генрих Манн ссылаясь о Золя, в свою очередь, отвечал на статью Томаса Фридрихе, а Роллан — на первую провоенную статью Манна и на статью Гауптмана, который отвечает бельгийцу Метерлику. Развитие дискуссии в такой ситуации не располагает к делению на «риторов» и «трансляторов», законодателей мысли и опровергающих. Это не информационные каскады, а круговорот заимствований, отсылок и обращений.

Список литературы:

Антоневич К. С. Эволюция концепта «варварства» в контексте франко-германской конфронтации 1870-х–1910-х гг. // Концепт: философия, религия, культура. — 2024. — Т. 8, № 1. — С. 25–43. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-1-29-25-43>

Беркович Е. М. Братья Манна в "Двадцатом веке". Страница биографии, о которой писатели предпочитали не вспоминать // Вопросы литературы. — 2018. — № 2. — С. 218–246. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2018-2-218-246>

Галкина О. И. Пропагандистское русофобство и прагматичное русофильство: британская пресса о русской армии (вторая половина XIX - начало XX вв.) // "Свой" / "Чужой" в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. — С. 368–389.

История первой мировой войны 1914–1918 гг.: в 2 т. Т. 2. / под ред. И. И. Ростунова. — Москва: Наука, 1975. — 541 с.

Леман Ю. Русская литература в Германии: восприятие русской литературы в художественном творчестве и литературной критике немецкоязычных писателей с XVIII в. до настоящего времени. — Москва: ЯСК, 2018. — 480 с.

Первая Мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Манькина. — Москва: Издательство Московского университета, 2014. — 815 с.

Трыков В. П. Марсель Пруст: отношение к России // Электронный журнал Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 5. — С. 41. URL: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Trykov_Proust/

Эпштейн М. Что такое метабола? // Стилистика и поэтика. Вып. 2. — Москва: Институт русского языка АН СССР, 1989. — С. 75–80.

- Balta S. A comparative view of the literary worlds of the Heinrich Mann and Thomas Mann brothers // *ODÜ Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi (ODÜSOBIAD)*. — 2025. — Vol. 15, No 3. — P. 1719–1739. <https://doi.org/10.48146/odusobiad.1647570>
- Betz F. Mencken and the «Patrioteers»: On the History of a Word // *Menckeniana*. — 1992. — No 122. — P. 12–15.
- Flügge M. *Heinrich Mann: eine Biographie*. — Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2006. — 511 s.
- Hayman R. *Thomas Mann: a biography*. — New York: Scribner, 1995. — 672 p.
- Koopmann H. *Thomas Mann – Heinrich Mann: die ungleichen Brüder*. — München: Beck, 2005. — 531 s.
- Martí Monterde A. *Literatura comparada i imagologia en la Primera Guerra Mundial: Fernand Baldensperger i Jean-Marie Carré* // *Estudis Romànics*. — 2016. — No 38. — P. 239–265. <https://doi.org/10.2436/20.2500.01.198>
- O'Sullivan E. *Imagology Meets Children's Literature* // *International Research in Children's Literature*. — 2011. — Vol. 4, No 1. — P. 1–14. <https://doi.org/10.3366/ircl.2011.0003>
- Scheiffele E. *Nietzsche über Deutschland und die Deutschen: ein eklatantes Beispiel für seine kritische Hermeneutik* // *Deutschlandforschung*. — 2001. — Vol. 10. — P. 262–285. URL: <https://hdl.handle.net/10371/85388>
- Vlasta S. *Imagology and the Analysis of Identity Discourses in Late Eighteenth- and Nineteenth-Century European Travel Writing by Charles Dickens and Karl Philipp Moritz* // *New Perspectives on Imagology*. — Leiden: BRILL, 2022. — P. 112–127. https://doi.org/10.1163/9789004513150_006
- Wagner W. *The Myth of the Orient in Flaubert's Voyage en Égypte and Bachmann's Das Buch Franza* // *New Perspectives on Imagology*. — Leiden: BRILL, 2022. — P. 257–273. https://doi.org/10.1163/9789004513150_014
- Weichmann M. »In hochachtungsvoller Ergebenheit an... den Bolschewismus«: Thomas Manns Kampf für Meinungsfreiheit und Humanität im Schulterschluss mit der Roten Hilfe // *Thomas Mann Jahrbuch*. — 2015. — Vol. 28. — P. 231–252.
- Woźniak M. *A. Kalisz –1914: pogrom miasta*. — Kalisz: Kaliskie Towarz. Przyjaciół Nauk, 1995. — 190 s.

References:

- Baranov, N. N. (2005) 'The "Hun Speech" of Kaiser William II in the Intellectual Context of the Epoch', *Imagines mundi*, 5(3), pp. 262–268. (In Russian).
- Antonevich, K. S. (2024) 'Evolution of the Concept of Barbarism within the Context of the Franco-German Confrontation in the 1870s–1910s', *Concept: philosophy, religion, culture*, 8(1), pp. 25–43. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-1-29-25-43>
- Balta, S. (2025) 'A comparative view of the literary worlds of the Heinrich Mann and Thomas Mann brothers', *ODÜ Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi (ODÜSOBIAD)*, 15(3), pp. 1719–1739. <https://doi.org/10.48146/odusobiad.1647570>
- Belousov, L. S. and Manykin, A. S. (eds) (2014) *Pervaya mirovaya vojna i sud'by yevropeyskoy tsivilizatsii* [The First World War and the Fate of European Civilization]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ. (In Russian).
- Berkovich, E. (2018) 'Brothers Mann in the Twentieth Century. Fragments of Their Biography the Writers Preferred to Forget', *Voprosy literatury*, (2), pp. 218–246. (In Russian). <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2018-2-218-246>
- Betz, F. (1992) 'Mencken and the "Patrioteers": On the History of a Word', *Menckeniana*, (122), pp. 12–15.
- Epstein, M. (1989) 'Chto takoye metabola? [What is metabola?]', *Stilistika i poetika*. [Stylistics and poetics. Issue 2.]. Moscow: Institut russkogo yazyka AN SSSR Publ., pp. 75–80. (In Russian).
- Flügge, M. (2006) *Heinrich Mann: eine Biographie*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt.
- Galkina, O. I. (2019) 'Propagandistskoye rusofobstvo i pragmatichnoye rusofil'stvo: britanskaya pressa o russkoy armii (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.) [Propaganda Russophobia and Pragmatic Russophilia: The British Press on the Russian Army (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]', «Svoy» / «Chuzhoy» v kross-kul'turnykh kommunikatsiyakh stran Zapada i Rossii [Ours/Alien in cross-cultural communications between Western countries and Russia]. Saint Petersburg: Aletheia Publ., pp. 368–389. (In Russian).
- Hayman, R. (1995) *Thomas Mann: a biography*. New York: Scribner.

- Koopmann, H. (2005) *Thomas Mann – Heinrich Mann: die ungleichen Brüder*. München: Beck.
- Lehmann, J. (2015) *Russische Literatur in Deutschland*. Stuttgart: J.B. Metzler. <https://doi.org/10.1007/978-3-476-05373-2> (Russ. ed.: (2018) *Russkaya literatura v Germanii: usvoyeniye russkoy literatury v khudozhestvennom tvorchestve i literaturnoy kritike nemetskoyazychnykh pisateley XVIII v. do nastoyashchego vremeni*. Moscow: ASK Publ.).
- Martí Monterde, A. (2016) 'Literatura comparada i imagologia en la Primera Guerra Mundial: Fernand Baldensperger i Jean-Marie Carré', *Estudis Romànics*, (38), pp. 239–265. <https://doi.org/10.2436/20.2500.01.198>
- O'Sullivan, E. (2011) 'Imagology Meets Children's Literature', *International Research in Children's Literature*, 4(1), pp. 1–14. <https://doi.org/10.3366/ircl.2011.0003>
- Rostunov, I. I. (ed.) (1975) *Istoriya pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg.* [History of the First World War 1914–1918: in 2 vol. Vol. 2]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Scheffele, E. (2001) 'Nietzsche über Deutschland und die Deutschen: ein eklatantes Beispiel für seine kritische Hermeneutik', *Deutschlandforschung*, 10, pp. 262–285. URL: <https://hdl.handle.net/10371/85388>
- Trykov, V. P. (2008) 'Marsel' Prust: otnosheniye k Rossii [Marcel Proust's attitude toward Russia]', *Knowledge. Understanding. Skill*, (5), p. 41. (In Russian). URL: https://zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Trykov_Proust/
- Vlasta, S. (2022) 'Imagology and the Analysis of Identity Discourses in Late Eighteenth- and Nineteenth-Century European Travel Writing by Charles Dickens and Karl Philipp Moritz', *New Perspectives on Imagology*. Leiden: BRILL, pp. 112–127. https://doi.org/https://doi.org/10.1163/9789004513150_006
- Wagner, W. (2022) 'The Myth of the Orient in Flaubert's Voyage en Égypte and Bachmann's Das Buch Franza', *New Perspectives on Imagology*. Leiden: BRILL, pp. 257–273. https://doi.org/0.1163/9789004513150_014
- Weichmann, M. (2015) '»In hochachtungsvoller Ergebenheit an... den Bolschewismus«: Thomas Manns Kampf für Meinungsfreiheit und Humanität im Schulterschluss mit der Roten Hilfe', *Thomas Mann Jahrbuch*, 28, pp. 231–252.
- Woźniak, M. A. (1995) Kalisz – 1914: pogrom miasta. *Kalisz: Kaliskie Towarz. Przyjaciół Nauk*.

Информация об авторе

Константин Станиславович Антоневи́ч — аспирант кафедры мировой литературы и культуры, МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)
Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Konstantin S. Antonevich — PhD student, Department of the World Literature and Culture, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)
Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 26.02.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 21.05.2026.

The article was submitted 26.02.2026; approved after reviewing 15.04.2026; accepted for publication 21.05.2026.